

Глава 1

Стасик

Господи, как дальше жить? Страшно-то как, как страшно. Вселенная бесконечна. Бездна. Умру когда-нибудь. Все умирают. Лучше об этом не думать. Сколько времени? Пять тридцать восемь. Вчерашняя старушка в магазине. Вся будто прозрачная. Лучше о ней поразмышлять. Не осталось почти старушки. Спина скрюченная, сумка дерматиновая, пальто в рубчик. Сколько лет ему? Тридцать? Или пятьдесят. Может, и не ее пальто, а от матери досталось... Такие пальто бабки еще в мое детство носили. Странно так, время идет, а старухи одинаковые. Или им выдают эти пальто в Пенсионном фонде? В сухой лапке зажат кошелек, скромные рыжие купюры и одна розовая, надежная. Пятитысячная. Старушка пергументными пальцами перебирает бумажки, открывает кармашек с мелочью. Вытаскивает монеты, аккуратно кладет на пластиковый подносик для денег у кассы.

— Карта магазина есть? — равнодушно спрашивает кассирша.

Старушка прилежно достает карту магазина. В каждом ее движении — страх сделать что-то

не так, щемящее, невыносимое одиночество. А смерть все не идет. Забыла про старушку. Зинка умерла. Лидка тоже. Иван Николаевич, царствие небесное. А она все никак.

Как нелепа старость. Неужели жалкая старушка была когда-то прямой, молодой, с красивой спиной в родинках. Собиралась на свидания, брызгала щиколотки духами. Зачем? Ну ясное дело зачем — ноги потом оказываются у кавалера на плечах. Это я как-то разговор двух старух подслушала. Надо будет тоже побрызгать.

Дети, наверное, у бабки этой есть. Или нет. Впрочем, какая теперь разница, когда старое пальто, рубчик и монетки. Что в голове у старииков? Нужен ли им кто-то? А может быть, им нормально? А мне кто-то нужен? Я себе нужна? Неужели я тоже стану бабкой? Страшно как это. Невыносимо. Вены на лбу вылезут. Вонять начну. Как на пенсии на пенсию жить буду? Надо деньги начать откладывать. Прямо сегодня. Десять процентов с каждого перевода на карту. А Валерику сказать — если я вдруг надену в старости такое пальто, пусть меня в дурдом сразу отправляет. А если возьмет и сдаст? Умру в дурдоме. А квартира кому достанется? Хорошая квартира, в высотке сталинской. Дедова еще. Надо завещание написать.

— Бах!

Сын задел рукой подносик, и тот свалился на плиточный пол.

Кассирша охает, нагибается за подносиком, отряхивает его и с тревогой рассматривает.

— Лапка отвалилась, — с ужасом в голосе говорит кассирша. — У него лапка отвалилась. Надо лапку найти.

Мы внимательно осматриваем пол. Лапку не видно. А как ее разглядишь — лапка прозрачная. Как старушка.

— А дома у себя ты тоже все роняешь?! — набрасывается на сына кассирша.

Дома сын ничего не роняет. У нас и ронять особо нечего. Он в телефоне целыми днями сидит. А вдруг игроманом вырастет? Или разжиреет, потому что в телефоне он сидит, вернее, лежит на диване. Всю субботу и воскресенье. Вечерами тоже. Надо его кружками окружить. Записать, может быть, на гимнастику. Нет, гимнастика же теперь только для девочек — пришло письмо от «Госчелобита». Про важность гендерной идентификации. Государство берет на себя ответственность. И за мальчиков, и за девочек. Мальчики — защитники. Девочки — хозяйки. Тогда на столярное дело. Пусть ружья там выстругивает. Руки хорошие всегда в жизни пригодятся. Мебель будет делать своими руками. Или игрушки деткам своим. И внукам можно. Из сосны. А по семеведению у него трояк. Зачем я вообще родила? Жила бы себе, ну смотрели бы на меня как на ущербную, налог бы, правда, на бездетность платила. Сорок тысяч рублей. Но хоть с ума бы не сходила от тревоги этой за него.

А кассирша расплакалась. Из-за лапки. Или не из-за лапки. Может, с парнем рассталась. Или

похудеть не получается — сидит за кассой своей, грудь, живот, как гусеница. Или из детства что-то вспомнила про лапку.

Мне папа как-то попугая подарил говорящего. Не живого, игрушечного. Папа с нами не жил, иногда только приходил. И однажды явился с попугаем. А он как живой — мягкий, клюв открывает и за тобой все слова повторяет: внутри диктофончик. Я ему и «попка-дурак», и «пусть бегут неуклюже», и слова всякие не оченьличные, пока папа не слышит, — попугай крыльями бирюзовыми машет и кричит гнусаво, умора просто. Весь день с ним развлекались, а вечером папа уехал. И мама попугая разбила об пол. Больше он не кричал. Лапка у него тогда тоже отвалилась...

Я не помню, когда начала просыпаться ровно в пять тридцать восемь утра. От тревожных мыслей и ощущения, что мне не хватает воздуха. Может быть, год назад. Или два. Да, у психиатра была. Жаловалась, что выбивает из сна разной дурью. А он говорит, что вы мне тут жалуетесь. У меня полстраны таких. А то, что ровно в пять тридцать восемь просыпается, — это вам предки что-то хотят сказать. Вы печенье испеките и на могилу к ним отнесите. Или просто конфет. «Мишек на Севере». Или какие они там любили. Вскоре предки во сне придут и скажут, чего им надо. Выписал все же антидепрессанты. Трициклического действия. А я от них потеряла все чувства. Будто отморозилась. И бросила на фиг.

Уж лучше чувствовать, пусть ужас, но живой быть, не мертвой.

А мысли... надо просто дать им быть в твоей голове. А еще лучше — встать. Как только всташ с кровати, утренний кошмар отступает. И я встаю.

Все спят. Темно еще. Ноябрь. Первое число. Новолуние. Судьбоносное, как по телевизору говорят. Вроде бы должно быть слышно, как свежий снег отскребают лопатой и стучат ею о ледяную пустую землю. Но снега нет. Только асфальт в окурках. И предрассветная зыбь. У соседа наверху слышны звуки гонга. Значит, шесть утра. Значит, уже медитирует. Сука.

Надо и мне присоединиться. Гонга у меня нет, но есть шлем. Иммерсивный. Надеваешь на голову, кнопочку на пульте нажимаешь — и оказываешься где захочешь. Выбор огромный — водопады, горные вершины, есть даже воздушный шар. Смотришь вниз — и видишь землю от края до края.

— Дон, дон, — стучит сосед.

Утренняя медитация — обязательный ритуал для всех без исключения граждан нашей страны, достигших восемнадцатилетнего возраста. Ведущие ученые, эзотерики и айтишники разработали удобную платформу, народ не нарадуется. Заходишь на «Госчелобит», выбираешь практику — от нервов или на деньги или просто чтобы тебя любили, влезаешь в шлем и визуализируешь все что хочешь. Наташка Еремеева сиськи новые

визуализирует. А мне с собой бы разобраться. Соединиться как-то. Шлемы бесплатные, по госпрограмме выдают. Пропускать утреннюю медитацию нельзя, иначе так и будешь вариться в вязкой тревоге. А стране нужны морально крепкие, довольные жизнью люди. Как из рекламы ипотеки. А не унылые психи вроде меня. Или кассирши. Интересно, а бабка вчерашняя по утрам медитирует? Намедитировала бы себе новое пальто. Или деда. А то ходит, горбится, мелочь считает.

Я устроилась на диване, зашла на государственный сайт, взяла пульт, установила на голову шлем, нашла виртуальную стрелку и кликнула на иконку «Соединение с высшим Я».

«Прежде чем начать медитацию, сделайте четыре глубоких вдоха и выдоха...» — предложил приятный сгенерированный женский голос. Я глубоко задышала. На колени прыгнул кот и стал топтать их лапами. Лапка отвалилась... Зачем же попугая об пол разбивать было?

«А теперь представьте, как из ваших ступней идет яркий поток энергии, который проходит сквозь пол, сквозь все слои земли и соединяется с ее ядром, сердцем нашей планеты».

Я послушно соединилась с ядром, а затем выпустила восходящий поток из макушечной чакры в космос, по очереди проходя уровни бытия. Первый, второй, третий...

«И вот вы достигли восьмого уровня бытия. Уровня Божественного Разума, где мы находим объяснение нашему существованию. Здесь нам становится

ясно, что все на свете совершенно, если происходит естественным путем, даже если с точки зрения других людей совершенством не обладает...»

В шлеме послышался треск, и виртуальный белый свет, из которого состоял восьмой уровень бытия, где болталось мое неприкаянное высшее Я, стал меркнуть. «К сожалению, на сайте технические неполадки. Вы сможете вернуться к медитации, как только неисправность будет устранена», — сообщил экран и окончательно погас. Долбаный «Госчелобит». Я сняла шлем и для успокоения включила телевизор. Строгая женщина читала по суплеру астрологический прогноз на день. Про Львов и Дев уже рассказала, значит, и до меня сейчас дойдет. С астропрогнозами это они хорошо придумали. Не можешь остановить движение, надо его возглавить. А то раньше тыфу — про погоду говорили. Кому эта погода нужна, если она все время меняется. А в астрологии все четко — углы, узлы, градусы, тригоны. Живешь по велению планет — и никакой ответственности.

— Ответственности никакой!

Кот тяжело спрыгнул с колен. Это мать ко мне зашла. Если говорить точнее, ее призрак. Сама мать умерла десять лет назад. Призрак матери утверждает, что это я виновата — никак ее не отпущу. Даже смерть не разлучила нас. Но я привыкла. И домашние тоже. Должен же хоть кто-то держать нас всех, как она выражается, в узде. А то ишь.

— Ответственности, говорю, у тебя никакой, — повторил призрак матери. — Прививала я тебе, прививала. Все как об стенку горох.

Призрак матери — существо в целом безобидное. Для общения он использует наборы избитых фраз в зависимости от ситуации. А иногда и в рандомном порядке. После смерти ее лексикон консервировался, как это случается с теми, кто навсегда уехал из родной страны. Не знаю, как обстоят дела на самом деле, но так филолог один по радио утверждал, профессор МГУ.

— Доброе утро, мама, — поприветствовала я призрак.

— Все бесов тешишь? — Призрак кивнул в сторону шлема.

— Это, между прочим, государственная программа, — напомнила я.

— Я в твои годы трудилась, родителям помогала, пеленки стирала. На ерунду времени не было. На все эти ваши депрессии и медитации.

— Мам, иди делом займись.

— А какие у меня могут быть дела?

Действительно, какие у призрака могут быть дела. Разве что с покойной балериной Улановой сплетничать о жильцах на лестничной площадке.

— Что, опять висят? — В комнату заглянул муж.

Как и мать, он бывший. Или бывших матерей не бывает? Но совсем не призрак, а очень даже живой.

— Ты нашел себе квартиру? — ответила я вопросом на вопрос.

— Согласно астрологическому прогнозу, прошлый месяц был не самым удачным временем для поиска жилья и смены места жительства, — вздохнул Родион. — Меня могут обмануть.

— Кто?

— Черные риелторы, — вступил за бывшего супруга призрак матери. — Или эти, наркобароны. Уланова покойная рассказала: в начале осени бизнесмен один пропал. Молодой такой, интересный. Нашли. Голову в одном месте, ноги в другом. Тоже жилье хотел снять...

— Или квартира окажется неудачной. С подселенцем. Или тараканами, — добавил бывший муж.

— У нас и в этой тараканы, — напомнила я.

— Это все Наташка, — нахмурился призрак матери.

— Какая Наташка? Тукаева?

— Еремеева. Не подруга она тебе. Так, чикибрики. Ты ей про себя ничего не рассказывай. А то потом тараканы в доме.

— И как это связано?

— Завидует она твоему счастью. Вот и насыпает тараканов.

— Мама, тараканы из магазина на первом этаже. У всего дома.

— Меня не волнует весь дом. Меня волнует, что они у тебя. — Призрак матери скрестил руки на груди.

— Надо квартиру почистить. — Родион взял в руки шлем и стал трясти, будто из его нутра могли выпасть ритуальные атрибуты. — Вон на «Госчелобите» предлагаю. От негатива и подселенцев. Бесплатно.

Я с тревогой посмотрела на призрак матери.

— Меня ничем не вытравят, — успокоила она. — У меня слишком сильный эгрегор. Поколенческий.

Я перевела взгляд на бывшего мужа.

— Я уеду, обещаю. Двадцатого числа.

— Почему двадцатого?

— Девятнадцатого Плутон поменяет знак. Даst нам зеленый свет. А пока надо терпеть.

— Но у тебя же есть телка с работы! — вспомнила я. — Почему ты не уедешь к ней?

— Она в Строгино живет. Мне оттуда неудобно добираться до офиса. И я не хочу больше совместного быта.

— Тем не менее у тебя совместный быт со мной.

— К тебе я привык. А там...

— Что там?

— Понимаешь, Стасик, она хочет семью. Просыпаться со мной в одной кровати. Детей. А я больше не хочу.

— Поэтому ты трахаешь ей мозги, а живешь тут?

— А что, у нас полстраны так живет. Но двадцатого я съеду. Обещаю.

— Стасик, что за выражения, ты ж девочка, — покачал головой призрак матери.

— Хочешь, я отвезу тебя на собеседование? — заискивающе спросил Родион.

— Стасик, соглашайся, — сквозь зубы произнес призрак. — Война идет, а она мужиками разбрасывается. К тому же на улице не май месяц. Яичники, чего доброго, застудишь.

Я согласилась. Мама права. Время тяжелое. Не май месяц. Яичники жалко.

***

Ноябрьское утро пыталось набрать обороты. Родион отправился греть машину, я занялась сборами сонного Валерия в школу. Первый урок — семьеоведение. Опаздывать никак нельзя. Предмет важный. Было бы у меня семьеоведение в школе, я, глядишь бы, до такого состояния нас всех не довела. Была бы психологически здорова и ежегодно увеличивала рождаемость. А я с кружками не могу разобраться.

— Только я домашку не сделал, — признался Валерий.

— А что задали?

— Написать рассказ о своей семье. Вот план. — Сын сунул мне под нос листок, на котором было написано: «Семья — главная ценность гражданина».

— Что ж тут сложного, взял бы план и написал.

— И что я про вас напишу?

— Ну, напиши, что мы живем долго и счастливо.

— Но это неправда. Это самообман. Ты же сама говоришь, что себя обманывать нельзя. У нас странная семья. Ты ищешь себе нового мужика на «Госчелобите».

— Валерий!

— Так папа говорит. А сам никак не съедет к своей девушке. И с нами живет призрак бабушки Сони.

— Уж какая есть. У нас полстраны так живет. Семью не выбирают.

— В ней живут и умирают, — согласился сын. — А вы с папой помиритесь?

— Нет.

Подумав немного, я предложила сказать учительнице, что дома был пожар и сгорела вся бумага. На том и порешили. Я упаковала Валерия в школьные брюки, рубашку и жилетку с эмблемой учебного заведения.

— Шапку-то не забудьте, — напутствовал призрак матери. — Менингит ходит.

Не забыли и шапку. В подъезде встретили соседа, который по утрам колотит в гонг.

— Как сегодня помедитировали?

— У меня «Госчелобит» завис, — пожаловались я.

— А вы ко мне приходите, — подмигнул сосед. — Я запрещенку накачал, с иностранных сайтов.

Валерий посмотрел на нас строго.

— Вы приходите. С гонгом лучше. Я вас с мамой познакомлю. Она еще скульптора Кибальникова застала и конструктора Непобедимого. Знаете, да, они в нашем доме жили. А сейчас у нее Альцгеймер. Повторяет одно и то же. Как попугай.

Я пообещала как-нибудь заглянуть. Станный этот сосед. Надо будет сообщить о нем куда следует. Запрещенку он накачал... Есть же государственный ресурс, да, тупит иногда, зато надежный и безопасный. Разработан с учетом менталитета. Чужие практики нашему человеку не подходят. У него свой путь. Так на «Госчелобите» написано.

Мы вышли на улицу и будто в ледяной погреб провалились. Все застыло в трупном окоченении. Зашли в арку, и на несколько секунд я замерла, ощущив подсоединение к вечности. К бездне. Я всегда его ощущаю в арках. Время останавливается, своды укрывают от мира, меняются звуки, исчезает ветер. Свет приглушается, обретая розовый тосканский оттенок. Слышно, как бьется сердце мира. Сердце земли. Бум. Бум. Бум. Если на улице мороз, в арке тепло. Если жара — прохладно. Я растворюсь в арочном мороке. «Любовь-любовь-любовь», — выступает сердце.

— Мама, мы опаздываем. — Сын потянул меня за руку.

Я выпала из ритма мира, и мы поспешили к машине. Когда-то у нас была иномарка, но в прошлом году россиян обязали поменять

свои глупые автомобили на отечественные ГАЗ-21. Белые. Ездим теперь на белой «Волге». Бесплатной. Хорошая машина! Морда — как живая. Коробка передач — механика. Ну что этот автомат, туда-сюда, никакой драмы. А тут едешь и автомобиль чувствуешь. Скорости переключаешь. Хозяин жизни. Хозяйка.

Особенно этот государственный жест прозрач матери оценил. Был у матери поклонник в молодости, директор ресторана, вот он тоже на белой «Волге» ездил и ее возил. А потом мать предал — женился на колхознице. Мать-то из семьи работников торговли. Цену себе знала, лишнего не позволяла. И «Волгу» предал — купил «жигули», а затем «фольксваген». Но мать до самой смерти как «Волгу» белую видела, так про директора своего вспоминала — думала, это он за ней едет. Одумался, черт. Но он даже на похороны не приехал. Поэтому мать ему мстит — в зеркале заднего вида мерещится, теперь уже снова в «Волге». А чего мстить? Он же не знал, что она умерла. А мать говорит, что знал: она к нему лично явилась сразу после смерти и сообщила. Но он, наверное, ее не видел. Не все же видят.

— Куда собеседуешься? — спросил бывший муж, когда Валерий, повозившись с рюкзаком и мешком со сменкой, наконец вывалился из машины и сурово потопал в сторону школы — разведывать о главной ценности достойного гражданина.

— В рехаб. Центр лечения от зависимостей. Если возьмут, буду там работать психологом.

— Зря ты в психологи подалась.

— Почему?

— Ну посмотри на себя. Миллионов не зарабатываешь, ребенком не занимаешься. По семье-ведению у него тройка. Живешь со мной и призраком мамаши в квартире с тараканами.

— Сапожник без сапог.

— Ладно, говори, куда везти. Отопления только добавь.

Я стала крутить круглую бежевую ручку печки на панели, но неожиданно включила дворники.

— Это не та. Дай я сам. Что бы ты без меня делала, Стасик.

***

Стоит отметить, что пробиться на собеседование в рехаб удалось не сразу: звезды никак не могли сойтись в нужной конфигурации, и директор клиники то и дело отменял встречу. Наконец выбрали первое ноября. То есть сегодня.

Центр находился в двадцати километрах от города и выглядел как обычный дом в коттеджном поселке. Стены его были отделаны черепаховой плиткой, имитирующей камень, и окружены добротным забором из кирпича.

— Забор так на даче и не сделали, — сокрушался Родион.

— Мы бы такой не потянули.

— Попроще можно.

— Родик, мы в разводе.

Благодарно чмокнув бывшего мужа в щеку, я вышла из белой «Волги» и, шурша нагретыми в машине ботинками по задубевшей от холода дорожке, подошла к деревянным воротам. В воротах обнаружила калитку и кнопочку звонка. Я нажала на нее замерзшим пальцем и стала ждать, что будет. Площадка перед входом в дом была вымощена мраморным плитняком. На некоторых фрагментах камня виднелись имена и даты. «Артемьев Федор Иванович, 1944–2019», — прочитала я. Наконец калитку открыл мужчина с глуповатой улыбкой на простом, как подушка, лице.

— А это памятники. У хозяина клиники свое производство, еще один бизнес. Это, — он ткнул пальцем под ноги, — брак. Не пропадать же добру.

Я согласилась, что добро — не та вещь, которой стоит пропадать, просочилась в калитку и представилась.

— Анастасия. Психолог. Приехала на собеседование.

— Алексей. Руководитель психологического отделения.

Не переставая улыбаться, он жестом пригласил меня внутрь. В нос ударил запах казармы. Я не была в казарме, но, наверное, пахнет там именно так — непромытым человеком и тухлым тряпьем. В коридоре стояли клетки с животными — хомяком с черными грустными

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru